

с 65
69

ИЗЪ

РУССКАГО БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

М. Б. ЧИСТЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАКОВА.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.

(Вас. Остр., 8 ливія, No. 45.)

1868.

ИЗВОЗЪ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

Рѣдко случается, чтобы русскій крестьянинъ жилъ опрятно: то бѣдность, то непрерывная работа, то небрежность и лѣнь. Но въ деревнѣ Уточкѣ былъ такой случай: на косогорѣ, на которомъ она была разбросана, у самой рѣчки стояла старая избенка. Въ ней жилъ молодой крестьянинъ съ женою. Они оба выросли сиротами, гдѣ день, гдѣ ночь; родства у нихъ никакого не было; сдружились они еще съ дѣтства, когда Марья пасла гусей и индѣекъ, а Иванъ—овецъ и поросятъ; часто приходилось имъ вмѣстѣ плакать отъ холоду, голоду и хозяйскихъ побоевъ; часто они въ осеннюю и весеннюю слякоть, дрожа, молча, жались у дым-

наго костра и въ пустомъ, уныломъ полѣ горевали однимъ, общимъ горемъ.

Можетъ быть, отъ того-то они теперь такъ и любятъ другъ друга. Міромъ дали имъ ветхую избенку. Они выправили, вычинили ее, настлали въ ней полъ, завели самую необходимую утварь, купили лошадь, корову, получили въ уплату за работу пару овецъ, пару куръ и утокъ, начали съ особенною любовью заниматься хозяйствомъ и, какъ только можно было лучше, устроили свой бытъ. Воротясь съ работы, поѣвъ и отдохнувъ, мужъ принимался вить, или плести сбрую, стругать новую ось, вставлять въ колесо выпавшія спицы, накладывать соломы на то мѣсто избы, или навѣса, гдѣ протекалъ дождь, и т. д. Жена все выскребетъ, вымоетъ, вымететъ въ избѣ, набросаетъ соломы въ сарай, переполощетъ посуду, и сядетъ то прастъ, то шить что нибудь для себя и для мужа, или придумываетъ, какъ лучше сберечь куринныя яйца на зиму, какъ запасти въ прокъ масла. Можно сказать, ни одна минута не проходила у нихъ безъ дѣла; разумѣется, не всегда было дѣло тяжелое: этого и вынести было бы невозможно; но, вѣдь, во всякомъ быту, крестьянскомъ и не-крестьянскомъ, есть множество мелочей, которыми надо безпрестанно заниматься, чтобы жизнь устроилась умно и пріятно; пренебреги ими — и

пойдетъ путаница и изъ мелочей накопится такая груда безпорядка, что съ ней ужъ и не сладишь. Стали они хорошо обживаться; завелось у нихъ довольно скота и домашней птицы: весной, бывало, по двору прыгаютъ курчавенькіе барашки, кудахтаютъ и квокчутъ насѣдки, весело пищать, какъ бархатомъ покрытые цыплятки, а утенята, чуть изъ яйца, ужъ и бѣгутъ въ лужицу, образовавшуюся изъ снѣжной воды на лугу, и полощатся въ ней, шныряя между молодымъ, желтѣющимъ лопушникомъ. Свѣтла была жизнь молодыхъ хозяевъ; имъ не часто случалось бывать вмѣстѣ; на разговоры у нихъ мало бывало времени; но занимаясь врозь каждый своимъ дѣломъ, они точно будто между собою разговаривали, и тепло бывало у нихъ на душѣ, когда работа шла успѣшно: мужъ думалъ, что это обрадуетъ жену, жена—что обрадуетъ мужа. Взаимная привязанность ихъ съ каждымъ годомъ становилась дружественнѣй и нѣжнѣй. Они не думали, чтобы имъ пришлось когда-нибудь разлучаться; избенка ихъ дѣлалась для нихъ все милѣй; а лѣтомъ кругомъ нея былъ настоящій рай: подлѣ самыхъ оконъ, назади, росло пять, шесть яблонь, рябинъ, липъ, нѣсколько кустовъ черной и красной смородины, и лѣсъ-лѣсомъ стоялъ густой малинникъ; по обѣимъ сторонамъ избы далеко шли загоны пшеницы, овса и ячменя.

Когда, бывало, все это зазеленѣетъ, зацвѣтетъ, да въ теплый ясный день озолотится солнцемъ — Боже — какая красота, какая сладость и въ свѣтѣ, и въ цвѣтахъ, и въ воздухѣ! А сколько птицъ-то налетитъ! Сколько крику, сколько звуковъ — и бойкихъ, и радостныхъ, и жалобныхъ! Чего-то душѣ онѣ не наговарятъ! И все это такое доброе, такое свѣтлое! Выдутъ, бывало, въ праздникъ Иванъ и Марья, сядутъ на заваленкѣхъ подъ яблонью, и смотреть, и слушаютъ молча, точно будто кто-нибудь имъ изъ каждого колоса, изъ каждого цвѣтка и листика говоритъ умныя, кроткія, ласковыя рѣчи, точно будто въ крикѣ перепеловъ, весничекъ, овсянокъ, иволги и дятла отзывается не птичье, а человѣчье сердце, даже лучше, чѣмъ человѣчье.

Зачѣмъ же бы такимъ работающимъ, честнымъ, простымъ и добрымъ людямъ, разлучаться другъ съ другомъ и разставаться съ такимъ счастливымъ житьемъ? А пришлось; и вотъ, какъ пришлось это нехорошо: однажды налетѣла буря съ дождемъ и градомъ и на рѣкѣ забила утку со всѣми утенятами, цыплятъ потаскали вороны, корову зарѣзалъ волкъ, почти всѣ овцы переболѣли и попадали отъ сильныхъ жаровъ; хлѣбъ отъ засухи родился дурно; надобно было работать и у себя, и на сторонѣ, чтобъ запастись на зиму — мужъ ходилъ въ одну

деревню, жена въ другую; домъ оставался безъ призора; пользуясь этимъ и ужасаясь подступающаго голода, многіе изъ мужиковъ начали тянуть къ себѣ чужое; ворочаясь домой, наши труженики находили, что у нихъ то на дворѣ посняты колеса съ телѣги, то съ гумна растасканы снопы; даже въ горшкахъ и чашкахъ оказывался недочетъ — сосѣдки пораскрали; Иванъ и Марья досадовали тосковали; а дѣлать нечего — надобно было опять идти изъ дому и оставлять его на разоренье. Жаловались старостѣ: но это не помогло. — «Смотри самъ, говорилъ онъ; что-жъ, мнѣ съ тобой нянчиться, что-ль? У меня своего дѣла много. Не обыскивать же изъ-за тебя цѣлую деревню! Поймай, кто крадетъ, уличи — тогда и разсудимъ міромъ, кто правъ, кто виноватъ». А какъ поймать, когда цѣлую недѣлю не бываешь дома? Какъ уличить? Горшки, колеса, снопы всѣ похожи одинъ на другой. Марья рвалась, мучилась и отъ чрезмѣрной работы и печали заболѣла. Мужъ бился изо всѣхъ силъ, не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, а все видѣлъ, что не заработаетъ, сколько нужно для прокормленья себя и жены и для посѣва на будущій годъ. Хотя Марья и оправилась отъ болѣзни, но рабочее время ушло; средствъ выбиться изъ нужды не осталось. Стали они молоть невѣяный хлѣбъ, подсыпать въ муку мякины, толченой коры,

ѣсть вполголода; а все какъ ни рассчитывали, до *нови* не было возможности дотянуть. Ими начало овладѣвать уныніе: смерть было имъ жаль другъ друга. Ходили они совѣтоваться къ священнику. Онъ поговорилъ съ ними ласково, погоревалъ и сказалъ наконецъ: «что-жъ я могу сдѣлать? Посмотрите — у меня у самаго закромы пусты, ребяташки оборваны и ревуть съ голоду; а тамъ вонъ четверыхъ отвезъ за полтораста верстъ въ семинарію; надо заплатить за квартиру, надо одѣть, обуь, хоть на зиму, — лѣтомъ-то въ какихъ ни на есть дырявыхъ халатишкахъ и босикомъ будутъ бѣгать въ классы, — надо муки впередъ посылать, а то хозяйка съ квартиры сгонить.... Охъ, натерпятся они, мои голубчики, горя. Сію минуту нанялся бы куда-нибудь въ работники; да, нѣтъ, говорятъ, нельзя: священный санъ не позволяетъ. А это позволяетъ священный санъ, чтобъ я ходилъ въ отрепьяхъ, чтобъ жена моя съ утра до вечера убивалась въ черной работѣ, чтобъ дѣти мои — тоже будущіе священно-служители, жили въ какомъ-нибудь отвратительномъ вертепѣ, на квартирѣ у пьяной и развратной мѣщанки, среди бродягъ и негодяевъ всякаго рода? — Да, друзья мои, горько вамъ и горько намъ. Что-жъ дѣлать? Будемъ терпѣть и биться, пока не приметъ земля; а унывать все-таки не подобно. Миѣ нѣтъ выхо-

ду; развѣ дѣти выучатся, выдутъ въ люди, да помогутъ хоть на старости лѣтъ; я — какъ столбъ, вкопанный въ землю; а вамъ бы я совѣтовалъ походить по околodку, да поискать дѣла: кто-жъ нибудь нуждается въ работникахъ: ну, хоть зиму прокормить. Я вамъ дамъ листъ, что вы честные, богобоязненные люди, что на васъ можно положиться, какъ на свою душу; можетъ быть, кто-нибудь и повѣритъ, и вамъ послужитъ впрокъ мое доброе слово». Онъ далъ имъ свидѣтельство, благословилъ ихъ, снова повторилъ, чтобъ они не унывали, простился съ ними и, провожая ихъ глазами, грустно покачалъ головою. Собственно — онъ ничего не сдѣлалъ для бѣдныхъ крестьянъ, но онъ ихъ не обидѣлъ, не растравилъ и безъ того ужъ слишкомъ наболѣвшаго сердца, братски горевалъ съ ними и тѣмъ ужъ облегчилъ часть ихъ горя, поддержалъ упдающую душу и своимъ совѣтомъ внушилъ бѣднякамъ рѣшимость покинуть свои углы и пуститься на удалую, искать счастья, то есть куска хлѣба и спасенья отъ голодной смерти. Иванъ и Марья бодрѣ вернулись домой, точно будто въ закромѣ ихъ прибавилось нѣсколько мѣръ хлѣба, бодрѣ толковали, какъ приняться искать работы, и положили, что женѣ слѣдуетъ оставаться дома — беречь свои пожитки, которые безъ нихъ до тла бы растащили; а мужу отправляться на заработки,

хоть на край свѣта — въ чужую губернію. На другой же день Иванъ поѣхалъ въ чье-то имѣніе, въ которомъ управляющимъ былъ образованный, даже ученый старикъ, бросившій службу, извѣстный въ цѣломъ округѣ, какъ неугомонно дѣятельное, честное и добрѣйшее существо. Иванъ, подъѣхавъ къ его дому, оробѣлъ, остановился у воротъ, смотреть во все стороны, то скинетъ шапку, то надѣнетъ, боязливо заглядываетъ на дворъ, ищетъ глазами кого-нибудь, чтобъ спросить, да никого нѣтъ. Управляющій увидѣлъ его изъ окна и постучалъ по стеклу, давая знать, чтобъ онъ вошелъ въ комнату. Но крестьянинъ подумалъ, что его отгоняютъ, что онъ сталъ не на мѣстѣ, отѣхалъ къ дорогѣ и остановился въ сугробѣ. Управляющему это было ужъ не въ диковину, онъ понималъ, въ чемъ дѣло, выбѣжалъ на крыльцо и кликнулъ Ивана къ себѣ. Крестьянинъ схватилъ съ своей головы шапку и сталъ подходить, ведя за узду лошадь.—«Да, надѣвай шапку — вишь, какой холодъ!» крикнулъ ему управляющій; «отведи лошадь на дворъ подъ навѣсъ, прибавилъ онъ рѣзко, положи ей — тамъ есть — сѣно, да бѣги скорѣй въ комнату, мнѣ некогда!»

— Экій строгій, подумалъ Иванъ и совѣтъ растерялся, однакожъ сѣна бросилъ лошади, и со всехъ ногъ кинулся къ управляющему.

«Что тебѣ надо, любезный? спросилъ управляющій прежде, нежели Иванъ успѣлъ притворить дверь.

— Я, Петръ Ѳедорычъ, къ твоей милости.... то есть нужда такая пришла, что не приведи Гос....

«Что-жъ тебѣ надобно, другъ мой? сказалъ Петръ Ѳедоровичъ ужъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Иванъ тотчасъ сообразилъ, что тутъ долго разговаривать нечего и молча подалъ свидѣтельство отъ священника. Управляющій, пробѣжавъ его быстро, сказалъ: «да, ты честный человѣкъ, и священникъ тоже честный человѣкъ; я его знаю; вы, навѣрное, горемыки оба: только мошенники слишкомъ скоро разживаются. Чего-жъ ты отъ меня хочешь?»

— Работы.

«Какой?

— Какой угодно.

«Хочешь ѣхать въ извозъ съ рогожами?

— Изволь.

«Отправляются завтра; будь готовъ до обѣда. Харчи мои; половину денегъ впередъ; тебѣ — какъ всѣмъ, по прежнему. Прощай!»

Иванъ хотѣлъ было что-то говорить; но Петръ Ѳедоровичъ стоялъ ужъ у конторки и что-то записывалъ. Крестьянинъ вышелъ на крыльцо, постоялъ немного, протверживая мысленно столько

предметовъ, мгновенно, вдругъ на него нахлынувшихъ: «въ извозъ, съ рогожами, завтра, до обѣда, харчи его, половину впередъ» — все это онъ будто вписывалъ въ свою память, опасаясь, чтобъ чего нибудь не забыть, не затерять на дорогѣ. Ъдучи домой, онъ тысячу разъ это перебиралъ, передумывалъ, готовясь обо всемъ перетолковать съ женой. Странно: дѣло это, очевидно, выводило его изъ страшнаго положенія, а между тѣмъ пугало его. Жена напротивъ очень обрадовалась этому и тотчасъ принялась готовить все къ отъѣзду. Но при прощаньи произошла сцена, которая очень ее опечалила. Она поѣхала провожать мужа. Крестьяне, отправлявшіеся въ извозъ, были всѣ изъ одной деревни. Появленіе *чужаго* человѣка между ними было для нихъ очень непріятно: «вотъ, принесла нелегкая,» говорили они между собой; «что, у насъ мужиковъ своихъ что-ли нѣту? Надобно было выкапывать этакую диковину, Богъ вѣсть, откуда. Выискался товарищъ! Кто его просилъ? За чѣмъ?

— А за чѣмъ? сказалъ одинъ сварливый мужикъ. «Я знаю, за чѣмъ: за тѣмъ онъ къ намъ навязывается, чтобы вотъ — что тамъ такое случится на дорогѣ, Петру Ѳедоровичу переносить, пересказывать, наушничать, *мутянить*.

«А что про насъ пересказывать? подхватили нѣ-

сколько человѣкъ, пересказывай себѣ; у насъ все—ничего, какъ слѣдуетъ, все чисто и гладко, все будетъ по-прежнему — не въ первой ѣздимъ».

— Не въ первой-то, не въ первой, сказалъ одинъ мужикъ въ полголоса; да, извѣстное дѣло, когда лишній человѣкъ, оно все нехорошо: ну, если тамъ, что и бываетъ на дорогѣ, между своими оно и умереть, никто ни гу-гу; а когда лишній человѣкъ—глядишь—что-нибудь и выдетъ; иногда съ дуру проболтается.

«Съ дуру!» Зашумѣла толпа; «знаемъ мы этихъ молодцовъ! Съ дуру! Нѣтъ, не съ дуру, а съ умысла, изъ корысти, чтобъ подслужиться, да накаверзничать другимъ».

— Накаверзничать? крикнуло нѣсколько голосовъ; на кого накаверзничать? На насъ? Да пикни онъ только, смѣй только подумать—мы ему вмигъ шею свернемъ, мы его такъ проучимъ, что онъ языкъ-то прикусить.

«Проучишь!» говорила другая партія; «проучи; гляди-ка, онъ тебя скорѣй проучить; пожалуй, на слѣдующую зиму Петръ Ѳедоровичъ другимъ мужикамъ рогожи отдастъ, а ты и сиди себѣ дома за печкой».

— А знаете, что, братцы, крикнулъ одинъ разгорячившійся парень: «не принимать его, да и только! Что, въ самомъ дѣлѣ, явился не вѣсть кто,

не вѣсть откуда, можетъ быть, плутъ какой-нибудь — станетъ веревки тамъ, либо сѣно, либо овесъ у лошадей таскать; угляди за нимъ.... Не принимать его, братцы, вотъ и все тутъ!

«Оно бы, вѣстимо, слѣдовало не принимать, отвѣчали многіе, да какъ же ты не примешь, если Петръ Ѳедоровичъ велить? Не самъ же онъ насильно къ намъ навязывается; позволеніе ему, значить, дано. Дѣлать-то нечего—покряхтишь, покряхтишь, поморщишь рожу, да и примешь въ товарищи.

Тутъ всякій началъ говорить ужъ про себя, ни къ кому не обращаясь и никого не слушая: «Эхъ, Петръ Ѳедоровичъ! Ну, что онъ это вздумалъ? А еще добрый человѣкъ! За что-жъ насъ обижать?

— И что за охота этому косолапому медвѣдю лѣзть къ намъ на досаду? И намъ не въ удовольствіе, и самому не въ радость. Что ужъ за компанія, когда товарищамъ не по праву?

«Говорять, у нихъ тамъ голодъ, ѣсть, вишь ты, нечего; а намъ, что за дѣло, что ему ѣсть нечего? Что, мы ходили, что-ли, въ ихъ деревню милостыни просить?

— Шель бы куда-нибудь еще! А то вѣтъ, къ намъ претъ; какъ будто только и мѣста на свѣтѣ, что у насъ.

«И оборванецъ какой-нибудь, глядишь; за столъ сѣсть рядомъ съ нимъ стыдно на постояломъ дворѣ.

— И лошаденка, чай, щедущная, кожа да кости; изволь его поджидать, пока дотянется.

«Глядишь, на самомъ теплой одежонки нѣтъ; замерзнетъ на дорогѣ, окочурится — въ бѣду изъ-за него попадешь.

— Либо хныка какой-нибудь, лазарь рыночный: «батюшки, помогите, милостивцы, не оставьте, того ему дай, другаго дай». Нѣтъ, голубчикъ, отъ меня не жди ничего!

«И отъ меня!

— И отъ меня!

«Никто ничего не дадимъ; какъ хочешь, такъ и дѣлайся; а то хоть себѣ пропадай; какъ окочуришься, такъ въ другой разъ не захочешь съ нами ѣхать.

Такъ противъ бѣднаго Ивана ни за что, ни про что, ожесточались люди, къ которымъ въ товарищество гнала его горькая неволя.

Онъ, разумѣется, ничего этого не зналъ и ѣхалъ, воображая найти въ нихъ добродушный пріемъ и участіе къ своей бѣдности. Жена провожала его. Они сидѣли молча. Иванъ, опасаясь опоздать, гналъ свою лошадку крупною рысью. Мужики замѣтили его издали и съ недоброжелательствомъ ворчали: «вишь, какъ гонить! Какъ на свадьбу! Хоть бы лошади-то пожалѣлъ! Еще и бабу какую-